но и часто обнаруживают отсутствие их единообразного понимания. Между тем язык схоластики наиболее тонок и строг из языков западных философских традиций. Русский текст «Суммы теологии» Фомы Аквинского – отличный полигон для испытания и внедрения адекватной схоластической терминологии и схоластического языка.

Институт философии РАН

Г.В. Вдовина
galvd1@yandex.ru

Г.В. Вдовина, ред. *Начала интенциональной философии: от поздних схоластов до Майнонга*. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 444 с. ISSN 978-5-98712-935-7.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-66-73 УДК 1(091)

Коллективная монография «Начала интенциональной философии: от поздних схоластов до Майнонга», включающая в себя статьи Галины Владимировны Вдовиной, Виталия Львовича Иванова, Владимира Валерьевича Селивёрстова и Дмитрия Геннадьевича Миронова, представляет собой прекрасное исследование, посвященное анализу теорий австрийских философов XIX – начала XX в., а также поиску истоков этих теорий в схоластической мысли. Книга как бы распадается на два больших смысловых блока: в первом блоке, который составляют статьи Вдовиной и Иванова, внимание сфокусировано на исследовании связей и параллелей между австрийской философией и поздней схоластикой. Авторы разбирают концепции схоластов XVII в. и анализируют различные позднесхоластические дискуссии, связанные с интенциональной проблематикой. Второй же блок, куда входят статьи Селивёрстова и Миронова, посвящен рассмотрению именно австрийской интенциональной философии: в центре внимания оказываются Франц

© Бобкова В.Е., 2025

Брентано и его ученики, среди которых особенно важное место занимает Алексиус Майнонг.

В книге «Психология с эмпирической точки зрения» Брентано, давая определение интенциональности, ссылается на средневековых схоластов, однако не уточняет, кого именно он имеет в виду. В связи с этим перед исследователями до сих пор стоит вопрос о том, кто из схоластов оказал на него влияние. Г.В. Вдовина в своем исследовании пытается выявить «ту часть схоластической традиции, которая в максимальной степени близка к Брентано содержательно и структурно» (с. 59). Галина Владимировна разбирает концепции средневековых авторов, обращаясь сначала к идеям Фомы Аквинского, а затем переходя к более поздним авторам: Генриху Гентскому, Дунсу Скоту, Гервею Наталису и др. Вдовина поясняет, что неудачи в поисках истоков интенциональной философии Брентано связаны во многом с тем, что они велись не в том месте: часто историки философии обращались к наследию Фомы Аквинского и, обнаружив, что у него присутствует лишь схожая терминология, но не проблема интенциональности, делали вывод, что автором этого понятия был Брентано, а в схоластической философии проблема интенциональности отсутствовала. Такой вывод, однако, неверен. Уже в схоластике XIV–XVI вв. обнаруживаются отдельные элементы, близкие идеям Брентано. Однако, как подчеркивает Вдовина, в средневековой схоластике тема интенциональности была подчинена нуждам теологии, собственное же место она получила лишь в барочной схоластике. Именно в этот период создаются детально проработанные концепции интенциональности, и именно этот этап развития схоластической мысли наиболее близок к интенциональной психологии Брентано: тщательное сопоставление демонстрирует, что можно выявить очень существенные параллели между его идеями и теориями поздних схоластов. Кроме того, Вдовина показывает, что важные параллели можно обнаружить и в случае с теорией предметов Майнонга. Например, для теории предметов одним из ключевых был тезис о внебытии чистого предмета: по Майнонгу, любой предмет, независимо от того, существует он или нет, возможен он или невозможен, каким-то образом «дан» познанию, данность – это его универсальное свойство.

Ни бытие, ни небытие не заложены в природе самого предмета. Схожее представление о предмете обнаруживается и у некоторых схоластов. Например, Джон Панч определяет вещь как

> всё то, что может быть предметом познания, будет ли оно чем-то реальным или ментальным, позитивным или негативным (с. 75).

Также и Игнасио Франсиско Пейнадо считает, что предметом может быть не только реальное сущее, но и ens rationis, т.е. сущее, которое обладает бытием только как объект мышления. Он обосновывает это тем, что мы способны познавать различия между фиктивными сущими, например, между кентавром и козлооленем. Они могут схватываться интеллектом как различные, а значит, они не есть чистое ничто (с. 75).

Вдовина выделяет и другие крайне важные параллели. Например, она показывает, что разработкой предельно общей науки о предмете вообще, т.е. науки, включающей рассмотрение как реального, так и ментального сущего, занимались некоторые поздние схоласты. Различие между их подходами и подходом Майнонга заключается лишь в том, что

> схоласты не стали вводить теорию предмета как отдельную дисциплину; они предпочли расширить границы уже существовавшей науки метафизики, включив в ее полный предмет не только существующее и не только реальное, но также ирреальное, в смысле принципиально не способного к бытию (с. 79).

Вопрос о корнях теории предметов продолжает исследовать В.Л. Иванов, уделяя особое внимание сопоставлению теории Майнонга и учения испанского иезуита XVII в. Себастьяна Искьердо. Иванову удается выявить существенные сходства между их теориями: например, ключевые для теории предметов положения о внебытийности предмета как такового и о независимости так-бытия предмета от бытия и небытия близки к понятию чтойностного статуса, которое играет крайне важную роль в философии Искьердо. Под «статусом вещей» Искьердо понимал

> тот их способ бытия, на основании которого о них может быть известна или [выражена] в суждении некая объективная истина (с. 124).

Искьердо выделял множество различных статусов вещей, но самым фундаментальным было разделение на чтойностный статус и экзистенциальный статус. В чтойностном статусе пребывают все необходимые истины о сущностях всех вещей, как существующих, так и не существующих. Эти истины составляют основу для большинства теоретических наук. Чтойностный статус полностью независим от экзистенциального статуса, к которому принадлежат истины о существовании, такие как «Петр существует сейчас», «Бог существует» и т.д. Такое разделение сближает учение Искьердо с теорией Майнонга: по Майнонгу, «так-бытие» предмета, т.е. его чтойность, или сущностные свойства, предположено любому способу бытия, в том числе существованию. В целом и Майнонг, и Искьердо выделяются на фоне обширной метафизической традиции, признававшей «первенство существования как основного способа бытия вещей» (с. 238). Иванов подробно рассматривает и другие важные параллели между двумя теориями, однако при этом обращает внимание и на существенные различия, связанные с разным представлением Искьердо и Майнонга о структуре теоретического знания, а также с разным эпистемологическим контекстом. В силу наличия этих различий Иванов делает вывод о том, что,

> если и возможно говорить о некотором «продолжении» схоластической традиции в австрийской философии после конца схоластики, речь скорее должна идти о присутствии отдельных элементов схоластического знания и лишь в весьма сильно трансформированном смысле (с. 243).

В своем блоке статей Иванов рассматривает множество различных онтологических, эпистемологических и теологических вопросов, находившихся в центре внимания философов-иезуитов XVII в. Один из ключевых сюжетов этой части книги – понятие истины и его трансформация в позднесхоластической традиции. Также Иванов подробно анализирует дискуссию об основании необходимых и вечных истин, разгоревшуюся между испанскими иезуитами Гаспаром де Рибаденейрой, Себастьяном Искьердо и Антонио Бернальдо де Киросом. Если Рибаденейра и Бернальдо де Кирос, следуя за Антонио Пересом,

полагали, что основанием истинности пропозиций о сущностях тварных вещей является Бог, то Искьердо выступал с критикой этой позиции: с его точки зрения, их истинность не может основываться на чем-то внешнем, даже на сущности Бога. Для прояснения позиции Искьердо Иванов освещает его онтологическое учение о статусах вещей и объективной истине.

Вопрос о влиянии позднесхоластической философии на школу Брентано затрагивается и во втором блоке статей, посвященном непосредственно представителям австрийской интенциональной философии. В одной из статей Д.Г. Миронов обсуждает, насколько правомерно считать Бернарда Больцано посредником между этими двумя философскими традициями. Одной из важных частей философского проекта Больцано было его учение о «предложениях в себе» (Sätze an sich). Хотя Больцано и указывал на Лейбница как на источник этого учения, всё же между их позициями было существенное расхождение: если Лейбниц считал, что основание вечных истин – это божественный интеллект, то Больцано с этим не был согласен и полагал, что истины в себе независимы от Бога. С его точки зрения,

> не потому нечто истинно, что так познал Бог; наоборот, Бог познал его так, поскольку оно именно таково (с. 346).

В этом отношении позиция Больцано очень близка к позиции Искьердо, и, как отмечает Миронов, Больцано читал источники, через которые мог познакомиться с этим учением. Миронов также рассматривает, как Брентано и его ученики оценивали учение Больцано, насколько корректно интерпретировали его идеи и в какой мере Больцано повлиял на представителей школы Брентано. Хотя Брентано и его ученики по-разному понимали и оценивали важные элементы философского учения Больцано, всё же есть нечто, что объединяет их как с Больцано, так и с Искьердо – это «стремление выстроить строго научную философию», а также «защита научного объективизма, борьба с психологизмом и субъективизмом» (с. 347).

Миронов освещает не только онтологические аспекты философии Больцано, но и этические. Одна из статей посвящена учению Больцано о высшем нравственном законе и той роли, какую оно играет для его учения о религии и государстве. Для

прояснения исторического контекста Миронов рассматривает моральные теории австрийского Просвещения. Помимо философии Больцано, Миронов исследует также важные аспекты философии Майнонга. Он рассматривает семантическое учение Майнонга и в связи с этим анализирует также важные положения философии языка Брентано и их развитие у ученика Брентано Антона Марти.

В.В. Селивёрстов также уделяет большое внимание философии Майнонга и обсуждает неоднозначные понятия и проблемные места в его теории предметов. Одно из таких неоднозначных понятий – понятие внебытия. Майнонг пришел к нему не сразу. Пытаясь определить онтологический статус несуществующих предметов представления, сначала он ввел понятие квазибытия, которое занимает как бы промежуточное положение между бытием и небытием. Однако вскоре Майнонг понял, что это понятие не самое удачное, так как оно размывает границы между бытием и небытием. Отказавшись от него, он стал использовать понятие внебытия. С этим понятием тесно связан принцип внебытия, согласно которому

> в суждении любой предмет должен рассматриваться как находящийся по ту сторону бытия и небытия (с. 272).

Если принцип внебытия учитывался последователями Майнонга, то само понятие внебытия остается непроясненным. Что именно Майнонг понимал под внебытием? Можно ли назвать внебытие областью предметов или же это свойство, которым предметы обладают? Селивёрстов рассматривает интерпретации, предложенные Д. Жакеттом, Р. Гроссманом, Г. Пристом и Д. Финдли и обсуждает, какие из них точнее соответствуют теории Майнонга.

Одну из статей Селивёрстов посвящает дискуссии между Майнонгом и Расселом. Из нее мы узнаем, насколько корректно Рассел понимал теорию Майнонга и как позиция самого Майнонга менялась в ходе этой дискуссии. Селивёрстов показывает, что проблема «существующей золотой горы», связанная с тем, что, согласно теории Майнонга, «существующая золотая гора» оказывается и существующей, и несуществующей, «оказывается неразрешимой в рамках оригинальной теории предметов без

нарушения какого-либо из ее принципов» (с. 288). Селивёрстов анализирует решения, предложенные учеником Майнонга Эрнстом Малли и Дэйлом Жакеттом, и показывает, что эти решения, хотя и успешно справляются с проблемой, нарушают основные принципы теории Майнонга.

Кроме того, Селивёрстов рассматривает крайне важную для школы Брентано дискуссию о структуре интенциональности. В центре этой дискуссии стоял вопрос о том,

> состоит ли схема интенциональности исключительно из интенционального акта и предмета или же в нее еще входит и содержание представления? (с. 248).

Многие исследователи полагали, что сам Брентано не проводил различение между содержанием представления и предметом, а введение данного различения – результат дальнейшей разработки структуры интенциональности его учениками. Также известно, что Брентано был крайне недоволен тем, что его ученики использовали это различение. Как поясняет Селивёрстов,

> если исходить из того, что, согласно Брентано, внешняя реальность в полном смысле слова недоступна, а физические феномены относятся к внешней реальности, то последние просто являются содержанием психических явлений, имманентным предметом, а никакого другого предмета быть не может, поэтому и различение между содержанием и предметом проводить бессмысленно (с. 250).

Однако недавние исследования показали, что Брентано всё же проводил различение между содержанием и предметом, о чём свидетельствуют рукописи лекций 1860–1880-х гг. Селивёрстов пытается разобраться в этом запутанном вопросе и описывает, в каком контексте Брентано проводил это различение, а также сопоставляет его с подходами его учеников Хёфлера, Твардовского и Майнонга.

Рецензируемая книга очень насыщенна по содержанию, и в рамках рецензии невозможно перечислить всё множество затронутых в ней сюжетов. Она позволяет познакомиться с богатством и разнообразием идей австрийской философии, а также

узнать о влиянии теорий Майнонга и Малли на представителей аналитической философии: Т. Парсонса, Р. Роутли и Э. Залты. Также монография устанавливает связь между поздней схоластикой и школой Брентано, что позволяет устранить разрыв между двумя этими философскими традициями и увидеть, что многие проблемы, обсуждавшиеся в брентановской школе, уже поднимались в поздней схоластике. Такое сопоставление показывает, что обращение к схоластическому наследию крайне актуально.

Институт философии РАН **В.Е. Бобкова**
vasilisa.bobkova.09@gmail.com

Брахмадева. *Параматмапракаша-вритти.* Вступительная статья, перевод с санскрита и апабхрамши и приложения Н.А. Железновой. М.: Наука; Восточная литература, 2024. – 392 с. ISBN 978-5-02-040606-3.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-73-77 УДК 1(091)

Когда говорят об истории философии, часто имеется в виду не более чем «расширенный комментарий к Платону»[1]. Однако подходить к такой дисциплине надо комплексно: судить о философии как о феномене можно, только приняв во внимание всё многообразие мировых культур. В этом смысле незаслуженным выглядит недостаточное внимание российских и западных историков философии к наследию Индии, которая породила самобытную, непохожую на западную, но оттого еще более интересную и важную для нас традицию. Если принимать тезис о том, что homo sapiens с биологической

[1] Выражение, приписываемое А.Н. Уайтхеду, не содержащееся в его работах, но отражающее его убеждение о важности влияния мысли Платона на европейскую философию.

© Титлин Л.И., 2025